

А.Н.Пятаков

Военно-технические связи СССР и Латинской Америки как феномен актуального прошлого

В статье проведен анализ эволюции советско-латиноамериканского военно-технического взаимодействия в период с 1955 по 1991 г. Латиноамериканский аспект рассмотрен в контексте общей динамики сотрудничества с регионами «третьего мира». Обобщены статистические данные Агентства США по контролю за оружием и разоружением по поставкам вооружений из СССР в Латинскую Америку; разработана периодизация развития советско-латиноамериканского военно-технического сотрудничества по критерию объемов взаимодействия СССР и США с регионом в этой сфере. Прослежен вектор развития военных связей СССР с латиноамериканскими союзниками от тотального отставания в 50—60-е годы до качественного и количественного перевеса к концу 80-х годов XX в. Доказано, что к моменту распада СССР имел многократное превосходство над США в военных поставках в регион по валовому объему и разнообразию видов вооружений. Доминирование США заключалось в диверсификации рынка, в то время как СССР концентрировался на «левом триумvirате» — Кубе, Перу и Никарагуа. Высказывается гипотеза, согласно которой объективной целью военной помощи СССР было формирование международного полюса левой и коммунистической ориентации как противовеса правым диктатурам.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, вооруженные силы, СССР, Латинская Америка, «третий мир», Куба, Перу, Никарагуа, США.

DOI: 10.31857/S0044748X0020679-5

Статья поступила в редакцию 25.02.2022.

Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом,
От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый,
Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
Крыльев скрепление — воск благовонный — огнем размягчило.

Овидий. «Метаморфозы».

Вхождение современного мира в фазу сильнейшего геополитического противостояния открывает возможность по-новому взглянуть на процессы,

Андрей Николаевич Пятаков — канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16, anpyatakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3934-958X>).

оставшиеся, казалось бы, в прошлом. К числу подобного рода проблем относится военно-техническое сотрудничество (ВТС) между СССР и Латино-Карибской Америкой (ЛКА), ставшее одним из знаковых симптомов противостояния в период холодной войны. Современное ВТС России со странами региона во многом базируется на накопленном в советскую эпоху опыте, и заложенные тогда военно-политические связи сохраняются и развиваются. Во время проведения переговоров по безопасности между Россией и США в декабре 2021 г., а также накануне развертывания специальной военной операции России (СВО) на Украине, периодически возникала проблематика латиноамериканского вектора российского ВТС. В январе 2022 г. посол РФ в Венесуэле озвучил стремление развивать ВТС с Каракасом, что явилось *de facto* аргументом в пользу усиления российских переговорных позиций. Параллельно в западной прессе муссировался вопрос о размещении военной базы РФ на территории Венесуэлы и/или Кубы. В контексте роста напряженности между США и Россией в 2021—2022 гг. в научном и журналистском сообществах резко возрос интерес к проблеме проекции военного российского влияния на ЛКА. Данный массив фактов актуализирует анализ эволюции советско-латиноамериканского ВТС как феномена хотя и прошлого, но имеющего злободневность и по сей день.

Проблема, связанная с изучением советско-латиноамериканского ВТС, заключается в дефиците отечественных разработок. В советское время по понятным причинам тема была табуирована, и приоритет отдавался изучению дипломатических, экономических и культурных аспектов сотрудничества. В постсоветский период, когда режим секретности с военной тематики был снят, она стала спорадически освещаться, например, в работах российского исследователя Владимира Алексеевича Бородаева, рассмотревшего кубинский аспект ВТС [1]. В XXI в. на волне нового подъема ВТС исследования с акцентом на советскую ретроспективу проводились отечественными учеными Евгением Романовичем Новицким [2], Сергеем Степановичем Гореславским и Татьяной Александровной Алексеевой [3], Виктором Лазаревичем Хейфецем и Лилией Вячеславовной Хадорич [4, pp.148-178], Александром Ивановичем Сизоненко [5], Андреем Николаевичем Пятаковым [6].

Систематическое внимание проблематике ВТС между СССР и ЛКА уделялось в западной советологии и латиноамериканской регионалистике. Данный пласт исследований не до конца актуализирован в отечественной политологии. К числу классических работ по анализу советских поставок в страны «третьего мира»*, включая ЛКА, относятся научные работы амери-

* Здесь и далее словосочетания «третий мир» и «развивающиеся страны» берутся в кавычки, поскольку, по мнению автора, они не вполне корректно отражают реальную систему международных отношений и являются упрощением. Данные понятия входят в терминологический корпус теории догоняющего развития (в латиноамериканской традиции — десар-ролизма), предполагающей зыбкие границы между «мирами» и возможность перехода из одного «мира» в другой. С точки зрения автора, сегмент мировой системы, относящийся к капиталистическому «третьему миру», следовало бы описывать как зависимую капиталистическую периферию, а ряд стран социалистического лагеря (Кубы, Вьетнама и др.) — как периферийные зоны социалистического развития. Кроме того, понятие «третий мир» неявно содержит коннотации ранжирования государств на «высшие» и «низшие».

канских политологов Раджана Менона [7] и Мелвина Гудмана [8]. Региональный масштаб проблемы затронут такими авторами, как аргентинец Аугусто Варас [9], шведка Эдме Домингес [10], исследователи из Нью-Дели Роберт К. Эвандсон [11] и Хуан Агила [12], чилийский политолог Кристиан Лейтон Салас [13], американский военный аналитик Роббин Ф.Лэрд [14; 15] и др. Хрестоматийной по исследованию аспектов стратегического взаимодействия и региональной безопасности является монография «Советский Союз и Латинская Америка» [16]. Анализ ВТС в контексте экономического сотрудничества осуществлен в книге профессора Питтсбургского университета Рубена Берриоса [17]. Данное исследование, изданное и на испанском языке, стало эталоном жанра [18]. Венесуэльский политолог Анибал Ромеро рассмотрел военные поставки СССР в рамках региональных международных отношений и политической активности военных [19]. К числу зарубежных исследований, сконцентрированных на двусторонних вопросах ВТС СССР, относятся работы американца Космаса Тсокаса (по кубинскому аспекту) [20], а также политологов из Кембриджа Рубена Берриоса и Блазье Коула по перуанскому [21] и никарагуанскому [22] аспектам.

Целями данной статьи являются проведение комплексного исследования военного аспекта отношений СССР и ЛКА как базиса современного российско-латиноамериканского ВТС и определение исходных позиций в исторических связях латиноамериканского вектора ВТС. Функцию статистической базы выполняют ежегодные доклады Агентства США по контролю за оружием и разоружением (*U.S. Arms Control and Disarmament Agency, ACDA*) «Мировые военные расходы и поставки вооружений» в период с 1965 по 1991 г. [30; 31; 32].

Изучение советско-латиноамериканского ВТС на основе западных исследований, а также сквозь призму средств массовой информации ЛКА и США позволит создать объемное представление о контурах внешнего восприятия советского проникновения в латиноамериканский регион в военно-силовом аспекте. Исследование носит междисциплинарный характер и проведено на стыке исторической и политологической методологий с элементами диалектического подхода.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ВТС

В период разворачивания и наращивания гонки вооружений в годы холодной войны страны «третьего мира» в целом и его латиноамериканский сегмент закономерно выступали объектами проекции военной мощи СССР и США как конкурирующих держав и флагманов противоположных тенденций общественного развития. В связи с этим целесообразно рассматривать советско-латиноамериканское ВТС при параллельном сопоставлении с показателями США. В траектории развития ВТС четко прослеживается четыре этапа. Критерием для определения временных рамок и содержания каждого из этапов является соотношение уровней и темпов военно-технического взаимодействия с ЛКА со стороны СССР и Соединенных Штатов.

Первый этап (с середины 50-х до середины 60-х годов XX в.) можно обозначить как период «входа» советского государства в регион. В то время здесь наблюдалось абсолютное доминирование США. Содержанием второго этапа (с середины 60-х до середины 70-х годов XX в.) стал существенный «разгон» количественных показателей советских поставок, который позволил лишь немного приблизиться к паритету с США. Этот период целесообразно квалифицировать как этап постепенного разворачивания ВТС. На третьем этапе закрепления лидирующих позиций СССР (с середины 70-х до середины 80-х годов XX в.) происходит качественный перелом, в рамках которого социалистическое государство добивается существенного превосходства над США в военно-техническом содействии латиноамериканским союзникам в абсолютных значениях. Наконец, четвертый этап, 1985—1991 гг., условно обозначенный нами как «триумфальное фиаско» (или «падение на взлете»), был крайне противоречивым. С одной стороны, на эти годы приходится не только пиковый период советско-латиноамериканского ВТС в количественных показателях, но и взлет сотрудничества с другими регионами капиталистической периферии (см. таблицу 1). С другой — появляются симптомы разрыва отношений, что в конечном счете приводит к обрушению всего процесса ВТС в ходе распада СССР. Стремительная нисходящая тенденция с апогея до почти нулевого уровня ВТС между Москвой и ЛКА вызывает аллюзии с древнегреческим мифом о падении Икара, вынесенного в эпиграф.

Т а б л и ц а 1

ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЙ ИЗ СССР И США В КЛЮЧЕВЫЕ РЕГИОНЫ «ТРЕТЬЕГО МИРА» (млн долл.)

Регионы	СССР			США		
	Годы			Годы		
	1965–1974	1978–1982	1987–1991	1965–1974	1978–1982	1987–1991
Латинская Америка	323	3 200	8 060	811	650	1 870
Африка	711	14 000	12 795	341	900	690
Восточная Азия	4 049	4 700	10 470	14 640	7 300	14 235
Южная Азия	1 706	3 500	23 450	139	410	1 025
Ближний и Средний Восток	5 733	17 500	19 565	5 628	14 100	14 225
Развивающиеся страны в целом	13 408	44 500	76 815	24 492	23 800	35 450
Мир в целом	18 793	49 800	84 350	31 563	37 600	58 855

Источник: Составлено автором на основе статистических данных докладов ACDA [30; 31; 32].

Рассмотрим каждый из этих этапов в хронологической последовательности. Следует подчеркнуть, что провести четкие границы между ними с точностью до года весьма затруднительно, поскольку нарастание количе-

ственных характеристик ВТС и увеличение разнообразия форм взаимодействия происходило волнообразно.

СОВЕТСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ». ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ДЕБЮТ

Преодолев трудности послевоенного восстановления, советское государство вышло на мировой рынок вооружений с весьма убедительными показателями. Характерно, что совокупный объем военной помощи, оказанной государствам «третьего мира» в период 1955—1965 гг., почти вдвое превышал объем экономического содействия: если первый показатель равнялся 4,3 млрд долл., то второй — 2,5 млрд долл. [13, р. 72]. Львиная доля военной помощи приходилась на два региона — Ближний Восток (1,4 млрд долл.) и Южную Азию (1,6 млрд долл.). По сравнению с остальными регионами «третьего мира» доля ЛКА в указанный период была чрезвычайно мала: здесь военная помощь СССР не превышала 30 млн долл. Детерминантами такого положения вещей были мощные ограничители как внешнего, так и внутреннего порядка. Так, чилиец Кристиан Лейтон Салас, реконструируя советскую мотивацию, утверждает, что ограниченное позиционирование СССР в латиноамериканском регионе объясняется «советской боязнью того, что политика передачи значительных объемов высокотехнологичного вооружения могла сгенерировать прямую реакцию со стороны США в отношении СССР» [13, р. 73]. Американский исследователь Джеймс Сачлики указывает на недоверие по отношению к СССР латиноамериканских военных кругов, тесно связанных с «самыми консервативными слоями общества» [23, р. 30].

Катализатором военного «проникновения» СССР в ЛКА послужила поддержка им Кубинской революции в ее противостоянии давлению США (с 1960 г.), а затем установление в Перу патриотического военного режима во главе с генералом Хуаном Франсиско Веласко Альваро (1968—1975 гг.) в 1968 г. Воодушевляющий эффект произвел и приход к власти Омара Торрихоса (1969—1981 гг.) в Панаме в 1969 гг. Москва не рассматривала перспективу развития ВТС с этим панамским правительством, но его появление, безусловно, воспринималось как еще один симптом умеренного левого дрейфа в ЛКА. С 1965 по 1974 г. СССР удалось более чем в десять раз увеличить военные поставки в регион и довести их до показателя в 323 млн долл. [24, р. 76], при этом 90% всего объема поставок прогнозируемо приходилось на Кубу, а остальная часть — на Перу. Большинство западных исследователей трактует это десятилетие как разворачивание советского военного присутствия.

Что касается Кубы, то здесь СССР выступал в роли абсолютного монополиста ВТС: при объеме поставок в 293 млн долл. он далеко опережал единственного «конкурента» — Чехословакию с продажами оружия революционному правительству в объеме 2 млн долл. [24, р. 76]. Пауза в ВТС с Кубой, выдержанная после Карибского кризиса, длилась недолго: 29 мая 1963 г. между Гаваной и Москвой было подписано одно из первых двусторонних соглашений, предусматривавшее постоянную дислокацию мото-

стрелковой бригады с соответствующим арсеналом и боевой техникой [25], а в 1964 г. введена в действие разведывательная база в Лурдесе.

Конкуренция на перуанском рынке была более серьезной. СССР с показателем в 30 млн долл. занимал последнее место в шестерке соперничавших экспортеров вооружения: Канады (78 млн долл.), Франции (73 млн долл.), ФРГ (62 млн долл.), Великобритании (59 млн долл.) и США (45 млн долл.) [24, р. 76].

В период 1955—1965 гг. на мировом рынке вооружений емкостью 64,4 млрд долл. уже четко обозначилась нарастающая конкуренция двух сверхдержав. Чуть менее половины от общего объема поставок приходилось на США (31,5 млрд долл.), и чуть менее трети — на СССР (18,7 млрд долл.) [24, р. 73]. Интересная закономерность прослеживается при сопоставлении структуры экспорта вооружений двух соперников в холодной войне. Если доли американского и советского экспорта в поставках на рынки развитых стран были относительно сопоставимы (7 и 5,3 млрд долл. соответственно), то на рынках развивающихся стран имело место двойное превосходство Соединенных Штатов — 24,4 млрд долл. против 13,4 у СССР. В проекции на латиноамериканский сегмент «третьего мира» доминирование США над позициями СССР достигало уже почти тройной величины (в абсолютном выражении американский экспорт равнялся 811 млн долл.). Однако зафиксированное в середине 70-х годов XX в. соотношение присутствия США и СССР как на «третьем мире» в целом, так и латиноамериканском рынках ВТС не осталось константой. В последующие десятилетия советскому государству удалось существенно нарастить свое военное присутствие в ЛКА количественно и добиться качественного перелома указанной тенденции.

МОМЕНТ ПЕРЕЛОМА

Доминирование США в сфере ВТС имело место вплоть до первой половины 70-х годов XX в. Рубежным моментом перехода в новое качество стало начало 70-х и приход к власти правительства Народного единства (*Unidad Popular, UP*) в Чили. Известно, что СССР и Чили не сотрудничали в военной сфере. Это обстоятельство было обусловлено крайней сложностью отношений между левым правительством и антикоммунистически ориентированным генералитетом. Тем не менее советский военный фактор косвенно стал одной из предпосылок избрания Сальвадора Альенде (1970—1973 гг.).

Дело в том, что в 1969—1970 гг. произошла резкая и, главное, демонстративная интенсификация военных связей между СССР и Кубой, выдерживавших некоторое время после Карибского кризиса 1962 г. относительную паузу*. Об активизации свидетельствует единый комплекс событий,

* Создание советской радиолокационной разведывательной базы Лурдес в 1964 г. было, безусловно, явным показателем того, что отношения в силовой сфере между СССР и Кубой не были заморожены после Карибского кризиса, однако это событие нельзя квалифицировать как демонстрационный и публичный шаг. Кроме того, следует учитывать, что, хотя в конце 1962 г. ядерное оружие было вывезено с Кубы, СССР, по оценкам Пентагона, оставил там военную бригаду и зенитные ракеты [26, с.32]. В советской прессе 1991 г. утверждалось, что после 1962 г. военные были выведены [25, с.5].

сконцентрированных во времени. Во-первых, в январе 1969 г. в СМИ попала информация о подписании соглашения между СССР и Кубой по исследованиям в ядерной сфере. Мексиканская *El Universal* информировала о планах СССР реализовать «расширенную программу по превращению Кубы в базу суперсекретных научных исследований» [27]. Не исключалось, что научная работа может иметь и военный профиль. Факт вынесения этого вопроса в публичное пространство был четким сигналом для США.

Во-вторых, по приглашению кубинского правительства 20-27 июля 1969 г. советская эскадра в составе одного ракетного крейсера, двух подлодок, двух кораблей охранения, одной плавбазы и одного танкера посетила Кубу. Западные эксперты квалифицировали событие как первый «визит», когда-либо наносившийся советскими военными кораблями в район, географически столь близкий к США, и отмечали, что заход эскадры стал ответом на поездку президента США Ричарда Никсона (1969—1974 гг.) в Румынию. Престижный журнал *U.S. News & World Report* предположил, что это была «реакция русских на периодические заходы американских военных кораблей в Черное море». [28, р. 7.]. Данное событие стало ключевым звеном в цепи процесса демонстрации советской военной мощи в Западном полушарии. Большую настороженность в американской прессе вызвало то обстоятельство, что курс советских военных кораблей пролегал мимо мыса Кеннеди, где велась подготовка запуска на Луну космического корабля «Аполлон-II». По оценкам *United Press International*, «флотилия прошла на значительно меньшем расстоянии от американских берегов, чем это делали любые советские военные корабли когда-либо ранее» [29].

В-третьих, в ноябре 1969 г. с визитом в Гавану, впервые в истории двух государств, прибыл советский министр обороны Андрей Антонович Гречко. Знаковое событие произошло за несколько дней до начала переговоров между США и СССР в Хельсинки об ограничении стратегического оружия. Наконец, в-четвертых, за полгода до выборов в Чили советские силы ВМФ вторично демонстративно посетили Кубу. В мае 1970 г., как сообщала официальная пресса, с «визитом вежливости» на трехдневный срок в гаванский порт прибыли флагманский корабль «Вице-адмирал Дрозд» и гвардейский эсминец «Гремящий», остальная часть эскадры в составе пяти объектов дислоцировалась в порту Сьенфуэгос. Второй визит также вызвал новую волну «информационного шока» в западных СМИ. Тогда же появились первые трактовки данных действий СССР как демонстрации намерения использовать Кубу в качестве важной военно-морской базы в Карибском регионе. Именно начиная с этих двух «визитов» военных советских кораблей в кубинские порты данный вид сотрудничества приобретает систематический и даже рутинный характер. Таким образом осуществлялась апробация тактики симметричных ответов, взятая на вооружение и самим СССР, которая стала активно применяться в ходе российской фазы ВТС с ЛКА (демонстративные визиты российской военной авиации в Венесуэлу).

Есть основания полагать, что перечисленные выше события стали своего рода трамплином для наращивания военной мощи СССР. Каче-

ственный перелом еще не произошел, но для него были созданы необходимые предпосылки. Хотя события, о которых шла речь, носили региональный характер, они выходили далеко за рамки Кубы (представляется, что они оказали сдерживающее влияние на угрозу вмешательства извне в предстоявшие в Чили выборы, а также в процессы преобразований в Перу и Панаме). Объективно для СССР этот комплекс событий играл роль моста между начавшимся перуанским революционным процессом и назревавшим чилийским. В этом смысле Куба выступала в роли «посредника» в процессе планируемой экстраполяции советского ВТС.

На государственный переворот в Чили 11 сентября 1973 г. Советский Союз отреагировал исключительно в общественно-политической плоскости, хотя и весьма активно (характеристика хунты Пиночета как фашистской, беспрецедентно широкая кампания солидарности с ее жертвами). Но, несомненно, это событие спровоцировало и мощную косвенную реакцию СССР в форме наращивания поставок вооружения дружественным Кубе и Перу с целью укрепления их обороноспособности и профилактики трагических сценариев. В период 1974—1978 гг. Советский Союз вышел на первое место по совокупному объему ВТС с регионом с показателем 1,3 млрд долл. в противовес американским 700 млн [30, p. 162].

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Прежде чем проиллюстрировать процесс закрепления СССР на латиноамериканском рынке ВТС, затронем позиции его ключевых партнеров на рынке вооружений. В число 20 ведущих импортеров вооружений из сегмента «третьего мира» в период самого насыщенного с точки зрения поставок вооружения десятилетия периода холодной войны (1973—1983 гг.) входили два государства ЛКА — Куба и Перу. Куба занимала в рейтинге 12-е место с относительной долей в 1,7% от общего размера закупок. В абсолютном выражении ее вклад в валовый импорт вооружения стран «третьего мира», составлявший 266,5 млрд долл., оценивался в 4,5 млрд долл. Показатели Перу, занимавшей 17-ю позицию, были скромнее: 1,2% (3,2 млрд долл.) [19, p. 95]. Отсюда следует, что СССР делал ставку если не на самых передовых, то на весьма активных импортеров вооружения.

Возвращаясь к предмету исследования, отметим, что в начале 1980-х годов уже имело место стократное увеличение советских поставок по сравнению с исходным уровнем. Подключение Никарагуа к лагерю латиноамериканских друзей СССР в 1979 г. не имело «взрывного» вклада в общий трансферный поток (к 1982 г. на сандинистов приходилось вооружений лишь на 70 млн долл. по сравнению с общими 3,2 млрд долл.). Безусловное лидерство в качестве основного реципиента советской военной помощи оставалось за кубинцами (2,6 млрд долл.) [31, p. 97].

Размышляя над феноменом советско-латиноамериканского ВТС, исследователь из США Р.Берриос так комментирует диапазон сотрудничества, существовавший в 1980-е годы: «Поставки вооружений и отношения в военной сфере стали важным инструментом советской дипломатии в развивающихся странах. В Латинской Америке СССР ча-

сто обменивался военными миссиями с Аргентиной, Перу, Мексикой и Кубой и держал в этих странах военных, военно-морских и военно-воздушных атташе. Кроме того, Советский Союз посылал советников на Кубу, в Перу, Никарагуа и Гайану. По оценкам, количество военных советников достигало на Кубе 2800 единиц, в Перу — 100, в Никарагуа — 50. ... Передачи вооружений в Латинскую Америку стали для Советского Союза наиболее полезными в плане обеспечения не только присутствия, но и влияния в регионе» [17, р. 25]. «Скромные» цифры внешних военных советников, работавших на перуанском направлении, отчасти компенсируются тем, что СССР брал на себя обязательства обучения военного персонала на своей территории. Согласно Р.Эвандсону, к 1985 г. в военных учебных заведениях СССР прошли обучение более 3 тыс. перуанских военнослужащих [11, р.79] Отсюда видно, что военное взаимодействие СССР не ограничивалось поставками вооружений, оно включало в себя образовательную и консультационную составляющие.

В середине 1980-х СССР предпринимал попытки диверсифицировать свои латиноамериканские поставки и выйти за рамки сложившегося «триумвирата» (Кубы, Перу, Никарагуа), но крупных успехов в этом направлении достигнуто не было. Здесь можно выделить два случая: гренадский и гайанский. Народно-революционное правительство Гренады, пришедшее к власти в 1979 г., заключило в 1982—1983 гг. серию военных соглашений с СССР, Кубой, КНДР и Чехословакией. В рамках этого пакета соглашений островному государству была предоставлена военная помощь в размере 20 млн долл. [10, р. 58]. Применительно к Гайане дело ограничилось единичной поставкой трех советских военных вертолетов в 1985 г.

Если сравнить географию поставок вооружения СССР с другими внерегиональными поставщиками, то бросается в глаза узость локализации. Военный импорт США был диверсифицирован в гораздо большей степени. В период 1965—1974 гг. Пентагон развивал ВТС с 19 странами ЛКА. В 1970-е годы и вплоть до начала 1980-х американский экспорт сузился до 15-ти (из списка клиентов выпали Гаити, Ямайка, Никарагуа и Парагвай), однако к 1991 г. рынок регенерировался до 20 государств (с добавлением Барбадоса, Коста-Рики, Гайаны и восстановлением ВТС с Парагваем и Ямайкой). Однако ни в одном конкретном случае Соединенные Штаты в количественном аспекте не приближались к уровню поставок СССР. Так, к 1991 г. максимальных значений американский военный импорт достигал только в четырех странах: Бразилии (270 млн долл.), Венесуэле (310 млн долл.), Мексике (410 млн долл.) и Сальвадоре (280 млн долл.) [32, р. 133].

Стратегическим моментом, компенсирующим малую диверсификацию советского ВТС, была его геополитическая субрегиональная универсальность. Три советских форпоста в ЛКА являлись опорными пунктами во всех ее субрегионах: Куба — в Карибском, Никарагуа — центральноамериканском, Перу — в Южной Америке. По оценкам чилийского исследователя К.Саласа, с 1964 по 1988 г. СССР поставил в эти три страны оружия стоимостью 15 млрд долл. (из них 11,5 млрд пришлось на Кубу, 2,2 млрд долл. — на Никарагуа и 1,3 млрд — на Перу) [13, р. 77].

Существует стереотип о том, что при оказании военной помощи СССР руководствовался прежде всего идеологическим критерием. Однако пример сотрудничества с Перу дает основание говорить об излишней абсолютизации этого критерия. Советский Союз был готов к проявлению прагматичной гибкости, о чем свидетельствует продолжение ВТС с Перу даже после ухода с политической арены в 1975 г. Веласко Альварадо (который, заметим, и сам был далек от коммунистической идеологии) [21].

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР МИЛИТАРИЗАЦИИ «ЛЕВОГО ПОЛЮСА» ЛКА

По мнению большинства исследователей, фактор советской военной помощи оказал существенное стимулирующее воздействие на укрепление обороноспособности и повышение военного потенциала трех основных реципиентов — Кубы, Перу и Никарагуа. Релевантным критерием для оценки динамики этих характеристик «триумвирата» является показатель численности вооруженных сил (ВС). Во всех трех случаях в период нахождения у власти революционных правительств прослеживалась четкая тенденция к его увеличению. В Перу численность состава ВС выросла с 75 тыс. в 1968 г. до 125 тыс. в 1975 г. На Кубе в период с 1964 по 1985 г. имело место тройное укрупнение армии: с учетом резервистского компонента — со 110 тыс. до 297 тыс. (с 1985 по 1991 г. достигнутый показатель оставался постоянным).

В Никарагуа за год до Сандинистской революции численность ВС составляла всего 6 тыс. По мнению мексиканского политолога Рауля Бенитеса Манаута, флуктуации общей численности никарагуанцев, находящихся «под ружьем» в период первого этапа Сандинистской революции (1979—1990 гг.) колебались в диапазоне от 60 до 300 тыс. [33, р. 103]. В 1987 г. в прессу попала информация о намерениях сандинистов увеличить к 1990 г. численность армии до 600 тыс. человек [34]. Эти планы не сбылись, однако оценка в 300 тыс. представляется вполне релевантной.

После ухода с мировой арены СССР на Кубе и в Никарагуа произошло резкое сокращение ВС: на Кубе к 1992 г. — до 175 тыс., а в Никарагуа — до 15 тыс. Безусловно, основными причинами этого сокращения были внутренние и региональные факторы (падение экономического потенциала Кубы, соответственно, невозможность нести бремя столь большой военной нагрузки; проигрыш Даниэля Ортеги (1985—1990 гг., 2007 — н/в) на выборах в 1990 г. и, как следствие, введение плана Ариаса, включавшего меры по демилитаризации страны). Однако было бы опрометчиво недооценивать фактор аннигиляции экономической и военной помощи Советского Союза.

В том, что СССР выстраивал активное ВТС именно с Кубой, Никарагуа и Перу, есть немаловажная региональная подоплека, которая нередко ускользает от внимания исследователей. Позволим себе высказать гипотезу, согласно которой стратегической целью СССР, по всей видимости, было формирование боеспособного полюса как альтернативы правым военным диктатурам Южной и Центральной Америки

того периода. Данная цель явно никогда не декларировалась, а, возможно, даже и не осознавалась советским руководством, стремившимся, скорее, сдвинуть режимы Аргентины и Бразилии в сторону внеблокового статуса и экономического партнерства с СССР. Но вся логика международной панорамы ЛКА 1970-х и 1980-х годов говорит о том, что объективно военно-техническая помощь СССР стимулировала создание и поддержку такого полюса (сыгравшего немалую роль в отходе стран Южного конуса от правого экстремизма). Исторические ограничения не позволили развернуть этот процесс в более широком масштабе: революционные преобразования в Перу и Никарагуа были разведены по времени, и СССР оставалось делать акцент в основном на Кубу.

Не поддаваясь соблазну сослагательного наклонения в истории, проведем мысленный эксперимент, сопоставив «в человеческом измерении» пиковую военную мощь левого и правого полюсов ЛКА во второй половине XX в. Максимальные значения численности ВС к концу существования латиноамериканских правых диктатур и режимов были следующими: в Бразилии к 1985 г. насчитывалось 496 тыс. военных, в Аргентине к 1983 г. — 175 тыс., в Парагвае к 1989 г. — 16 тыс., в Чили к 1990 г. — 95 тыс., в Гватемале в 1983 г. — 40 тыс., в Сальвадоре в разгар гражданской войны в 1988 г. — 45 тыс. (т.е. совокупные ВС правого полюса составляли 867 тыс.). Совокупные же ВС левых режимов региона, поддерживаемых СССР, как видно из приведенных выше данных, на пике их развития достигали 722 тыс. Если бы три революционных процесса совпали во времени и в пространстве, то их военный человеческий потенциал был бы сопоставимым с ВС правых диктатур и режимов. Поэтому советское ВТС *объективно* выполняло функцию формирования регионального левого и, шире, общедемократическо-антифашистского противовеса правым режимам.

ПАДЕНИЕ НА ВЗЛЕТЕ

Парадоксальным образом в период «перестройки» СССР чрезвычайно мощно нарастил уровень ВТС практически со всеми регионами «третьего мира», включая ЛКА, и добился в этом отношении полного приоритета по сравнению с США. Отставание имело место только на восточноазиатском направлении, но и оно не носило критичного характера (см. таблицу 1).

В тот период СССР в 2,5 раза увеличил поставки вооружения в ЛКА и достиг четырехкратного превосходства над США: если у советского государства этот показатель в период 1987—1991 гг. составлял чуть более 8 млрд долл., то у США — менее 1,9 млрд долл. [32]. Лидерство наблюдалось и в плане разнообразия видов вооружения (см. таблицу 2). Например, из 443 танков, поставленных в ЛКА, 340 были советского производства, и только 23 — американского. По линии поставок ракет класса «земля — воздух» имела место почти полная монополизация латиноамериканской ниши. В начале 1980-х годов произошло наращивание советского военно-морского присутствия в Южной Атлантике. Если в 1970 г. советские военно-морские подразделения про-

вели в водах региона только 200 судодней, то в 1980 г. этот показатель увеличился до 2600, и в дальнейшем наблюдалась стабилизация высокого уровня присутствия [35, р. 583].

Т а б л и ц а 2

**ВООРУЖЕНИЕ, ПЕРЕДАННОЕ СССР, США И МИРОВЫМИ
ЭКСПОРТЕРАМИ В ЦЕЛОМ В ЛКА (1987—1991 гг.)**

Вооружение	СССР	США	Мир в целом
Танки	340	23	443
Зенитная артиллерия	165	0	230
Артиллерия	200	43	353
Бронетранспортеры	325	4	444
Сверхзвуковые истребители	20	38	98
Дозвуковые истребители	0	55	65
Другие самолеты	55	99	314
Военные корабли	16	10	52
Вертолеты	65	58	283
Ракеты класса «земля — воздух»	1245	0	1270

Источник: [32].

Исходя из приведенных выше данных, можно, помимо прочего, сделать примечательный вывод: в своей стратегии поставок вооружений США предусмотрительно избегали передавать государствам ЛКА (без учета степени лояльности правящего в конкретной стране режима) средства противовоздушной обороны, пытаясь обеспечить в соответствии со своей военной доктриной полное превосходство в воздухе собственной авиации. Впрочем, латиноамериканцы, как видно из таблицы 2, до некоторой степени решали эту проблему за счет СССР, а также иных стран.

Разумеется, большая часть поставок приходилась на Кубу (6,5 млрд долл.). В результате к 1990 г. на Острове Свободы были отмобилизованы мощные вооруженные силы, далеко выходящие за рамки разумной достаточности для «развивающейся страны» среднего ранга. По оценкам Пентагона и лондонского Международного института стратегических исследований (*The International Institute for Strategic Studies, IISS*), на Кубе насчитывалось 1 700 танков (у Канады, например, чуть более 100), около 300 боевых самолетов, 80 боевых вертолетов, 3 подлодки, около 200 ракет класса «земля — воздух», 400 БМП и т. д. [36]. На конец 1980-х годов на Кубу пришелся самый мощный поток советских военных поставок, сопоставимый с совокупным объемом вооружения, поставленного с 1959 по 1984 г.

Что касается Никарагуа, то здесь объемы военной помощи СССР в перестроечный период также достигли максимума. По данным Пентагона, опубликованным в докладе «Военные поставки стран советского блока Никарагуа. Июль 1979 — октябрь 1988 гг.», совокупный масштаб переданного вооружения за указанный в докладе период оценивался в 143,8 тыс. т стоимостью 2,7 млрд

долл. [37]. Д.Ортега публично приводил близкие цифры [38]. Военная помощь была продолжена даже после подписания мирных соглашений в августе 1987 г., что вызвало крайнюю обеспокоенность США. В итоге почти 90% техники никарагуанской армии оказалось советского производства [4, p. 164].

Парадоксально, но именно в этот пиковый момент возникли симптомы грядущего сворачивания ВТС. В 1987 г. в ходе визита делегации Верховного Совета СССР Никарагуа получила подобную установку «из рук» будущего первого президента РФ. Как сообщает чилийский исследователь Борис Иопо, «Ельцин выразил готовность советского руководства сократить присутствие СССР в Никарагуа, обратившись к сандинистскому правительству с призывом сохранить внеблоковый статус» [39, p. 46]. В конце 1987 г. на встрече Михаила Сергеевича Горбачева (1985—1991 гг.) и Рональда Рейгана (1981—1989 гг.) данная позиция была озвучена уже публично. Советская сторона во время переговоров на высшем уровне предложила приостановить поставки тяжелого вооружения в Никарагуа в обмен на симметричный шаг США в отношении «контрас» [40]. Инициатива Москвы стала одним из факторов разрядки отношений с Вашингтоном. Склонение чаши весов в сторону уступок сопернику по холодной войне в итоге привело почти к обнулению советской поддержки сандинистов и в немалой степени обусловило их проигрыш на выборах 1990 г.

Обрушение советских позиций на кубинском направлении произошло после августа 1991 г. на фоне событий, происходивших в СССР. Еще в начале 1991 г. американское общественное мнение было разогрето сенсационными сообщениями о грядущем втором «издании» Карибского кризиса: разведывательные спутники США будто бы обнаружили на Кубе советскую ядерную ракету средней дальности, именовавшуюся на Западе СС-20. Впоследствии этот факт был опровергнут Министерством обороны СССР [41, с. 5], но оставленный след явно подталкивал к «демилитаризации» советско-кубинских отношений.

Первоначальный импульс к выводу советской военной бригады с Кубы был дан 6 сентября 1991 г. В ходе телемоста высших руководителей СССР и РСФСР с американцами, организованного телекомпанией *American Broadcasting Company (ABC)*, данная мысль была высказана опять-таки президентом РСФСР Борисом Николаевичем Ельциным (1991—1999 гг.), заявившим, что он отдает предпочтение поэтапному выводу с острова советского военного персонала. Таким образом Б.Н.Ельцин сыграл роковую роль в прекращении ВТС как с Никарагуа, так и с Кубой. Спустя несколько дней М.С.Горбачев конкретизировал предложение. 11 сентября (sic!) 1991 г. в ходе пресс-конференции в Москве по окончании двусторонних переговоров с госсекретарем США Джеймсом Бейкером М.Горбачев озвучил решение правительства начать переговоры с кубинским руководством о выводе с территории Кубы советской «учебной бригады»*. Мало того,

* Данный эвфемизм наряду с термином «Учебный центр № 12» использовался СССР для обозначения военного контингента на Кубе, начиная с сентября 1979 г. Поводом послужило выступление американского сенатора Фрэнка Чёрча, в рамках избирательной кампании поднявшего вопрос о советской военной бригаде на Кубе. Кубинцы всегда квалифицировали статус института советского присутствия как «боевое соединение советских войск».

что согласно официальному заявлению кубинского МИД, данное заявление было сделано без консультаций с Гаваной и без каких-либо предварительных уведомлений, так еще Горбачевым была озвучена явно преувеличенная цифра подлежащего выводу советского контингента — 11 тыс. человек. Эта цифра предсказуемо вызвала сомнения не только в кубинской, но и западной прессе, заподозрившей либо дезинформацию, либо невнимательность главы советского государства [42]. Западные журналисты, опиравшиеся на данные *IISS*, утверждали, что контингент составляет 7,7 тыс. человек (2,1 тыс. — сотрудники разведывательной базы в Лурдесе; 2,8 тыс. — военные советники и консультанты, работавшие в кубинских ВС; 2,8 тыс. — военнослужащие мотострелковой бригады, призванные обеспечивать защиту других советских военных на Кубе). По имиджу Горбачева был нанесен серьезный удар, имевший и внутриаполитическое измерение в СССР: произошло укрепление его образа как слабого политика [43, с. 4].

Описанное выше сомнительное заявление было сделано по итогам той встречи, когда американская сторона вновь повторила тезис о нерасширении НАТО на Восток. «Кубинская карта» ВТС с СССР оказалась в числе разменных в ходе нескольких раундов переговоров Москвы с Вашингтоном вокруг объединения Германии (1990—1991). Сдача советских позиций на Кубе наряду с другими уступками «уравновешивала» неисполненное в итоге обещание американского истеблишмента. В тот же день — 11 сентября — президент США Джордж Буш (1989—1993 гг.) высказал пожелание, по форме напоминавшее приказ, чтобы СССР ускорил вывод советских военных [44]. Данный эпизод истории советско-кубинских отношений еще раз доказывает, что советско-латиноамериканское ВТС является феноменом актуального прошлого. Ведь именно расширение НАТО на Восток, которое в Москве изначально пытались предотвратить в том числе и путем ухода с Кубы, стало фактором начала переговоров России и США по безопасности в 2021 г. и в итоге привело к началу СВО РФ на Украине в феврале 2022 г.

Рассматривать содержание советско-кубинских переговоров, начавшихся в середине ноября 1991 г. и носивших фатальный характер, представляется излишним. Отметим лишь принципиальные моменты. Во-первых, требование Кубы о том, что условием вывода советского контингента должна быть ликвидация военно-морской базы США в Гуантанамо, было фактически проигнорировано советскими переговорщиками. Речь шла об одностороннем режиме принятия решений, что повторяло в пародийном виде ситуацию с урегулированием Карибского кризиса без участия Кубы. Во-вторых, именно в ходе переговоров 1991 г., пожалуй, впервые советской стороной применительно к отношениям между Кубой и США стал активно применяться пресловутый термин «нормализация», ныне столь популярный как в западной, так и отечественной политологии [45]. Используя термин, введенный в 1970-е годы в США, и лексикон бывшего стратегического противника, советские переговорщики пытались тем самым успокоить кубинцев: от ухода с острова советских военных те якобы получают бонус «нормализации» с северным соседом. Цитируя слова советского представителя на переговорах — замминистра иностранных дел Ва-

лерия Дмитриевича Николаенко, — боливийская газета *Ноу* писала: «Он заверил, что вывод войск может содействовать процессу нормализации отношений между Кубой и США, и подчеркнул, что уже предприняты некоторые меры со стороны США по таким аспектам, как уменьшение интенсивности полетов и военных маневров вокруг Кубы» [46]. Вряд ли данные посулы оказывали успокаивающее действие на кубинцев. Характерно, что в ходе переговоров речь шла уже об эвакуации с Кубы 4 тыс. человек (2,8 тыс. военнослужащих и 1,2 тыс. членов их семей). Столь существенное несовпадение с указанными ранее 11 тыс. отравляло недоверием ткань переговоров, «переживших» к середине декабря 1991 г. три раунда. Двусмысленность порождал и тот факт, что уже в ноябре 1991 г. начался первый этап вывода советского контингента с Кубы, растянувшийся вплоть до 1993 г. Официальное юридическое оформление распада СССР, произошедшее 26 декабря 1991 г., стало симптомом того, что начавшийся процесс приобрел необратимый характер.

Парадоксально, но после распада СССР не произошло абсолютного обнуления ВТС ни с Никарагуа, ни с Кубой. Глиссада «падения Икара» советского ВТС с ЛКА хоть и имела вертикальную траекторию, завершилась, скорее, приземлением, чем катастрофой. Если в 1990 г. стоимость поставок вооружений со стороны СССР в центральноамериканский и карибский регионы в совокупности составляла 1,4 млрд долл., то в 1991 г. она снизилась до 600 млн, а затем в течение двух лет ежегодно исчислялась 100 млн долл. [47, с. 147]. Давала о себе знать мощная инерция накопленного потенциала. Падение произошло на пике и в момент кульминации советского лидерства на латиноамериканском рынке вооружений (по сравнению с ближайшим конкурентом в лице США). Нельзя исключать и того, что, в частности, за это доминирование СССР пришлось заплатить ценой своего существования. Стремление СССР изо всех сил обеспечить проекцию своей военной мощи (в чем латиноамериканский вектор был частным случаем) стало не последним фактором, повлекшим за собой перенапряжение советской экономики, а Запад дополнительно стимулировало к содействию максимальной дезинтеграции СССР.

Таким образом, в сфере ВТС Москве при жестком соперничестве с Вашингтоном удалось преодолеть отрыв, а затем нарастить преимущество. СССР старался не афишировать свое присутствие в ЛКА, но время от времени проводил демонстративные акции взаимодействия, чем добивался установления и сохранения баланса сил. После Карибского кризиса СССР избегал открытого противостояния с США, но на деле посредством ВТС сумел добиться усиления военного потенциала левого фланга ЛКА в противовес сектору правых диктатур. Латиноамериканское направление ВТС Москвы всегда находилось под пристальным вниманием западных СМИ и научного сообщества. Зачастую оно использовалось в политических играх, а запускаемая дезинформация, нацеленная на ослабление военно-политических связей, нередко активировала сильные деструктивные процессы. В истории феномена ВТС Советского Союза и ЛКА прослеживается

прямая корреляция между внутривнутриполитическими процессами внутри СССР, а также международной расстановкой сил в самом регионе, с одной стороны, и уровнем интенсивности и насыщенности самого сотрудничества — с другой.

Советско-латиноамериканское ВТС заложило основы современного процесса ВТС России с регионом. Используя терминологию диалектической философии, можно сказать, что российская фаза ВТС (антитезис) стала «отрицанием» советского периода (тезиса). Она вобрала в себя некоторые черты предыдущего этапа, но при этом и преобразовала ряд моментов. «Родимым пятном» осталась концентрация потоков поставок в одну страну — Венесуэлу [48; 49] как аналог кубинского направления для СССР. Вместе с тем произошла существенная диверсификация военных связей. Так, после 2004 г. на основе гибкой прагматичной политики Россия развивала ВТС с семью государствами региона [3; 4]. Две крупные эпохи военного трансрегионального сотрудничества обладают достаточным потенциалом и инерцией, чтобы иметь прогрессивное продолжение в будущем. Будет ли осуществлен их синтез в формате диалектического «отрицания отрицания», — покажет время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бородаев В.А. К вопросу об иностранном военном присутствии на Кубе. *Латинская Америка*. М., 1992, № 4, сс.22-27 [Borodaev V.A. K voprosu ob inostrannom voennom prisutstvii na Kube [On the issue of foreign military presence in Cuba]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1992, N 4, pp.22-27 (In Russ.).
2. Новицкий Е.Р. Прошлое и настоящее российско-перуанских отношений. *Латинская Америка*. М., 2018, № 11, сс.19-25 [Novitskiy E.R. Proshloe i nastoyashchee rossijsko-peruanskih otnoshenij [Past and present of Russian-Peruvian relations]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 11, pp.19-25 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0001465-0
3. Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2020, № 9. сс. 24-46 [Alekseeva T.A., Goreslavskij S.S. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Latinskoj Ameriki [Military-technical cooperation of Russia with the countries of Latin America. Potential for development and risk factors]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 9, pp.24-46 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6
4. Jeifets V., Khadorich L. Russian Arms Trade in Latin America // Rouvinski V. and Jeifets V. (eds.). *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relation*. Routledge. New York and London. 2022, 286 p. DOI: 10.4324/9781003183372
5. Sizonenko A.I. Enfoques conceptuales de Rusia respeto a los conflictos en América Latina. *Iberoamérica*. Moscow, 2014, N 4, pp. 117-130.
6. Piatkov A.N. Cooperación entre Rusia y Argentina en el ámbito técnico-militar. *Iberoamérica*. Moscow, 2016, N 1, pp. 36-56.
7. Menon R. The Soviet Union, the Arms Trade and the Third World. *Soviet Studies*, vol.34, N 3, July 1982, pp. 377-396. DOI: 10.1080/09668138208411425
8. Goodman A.M. Gorbachev and Soviet Policy in the Third World. Mc Nair Papers. N 6. The Institute for National Strategic Studies. Tel Aviv, 1990, 23 p.
9. Varas A. Militares y armas en América Latina. *Nueva Sociedad*. Buenos Aires, 1988. N97, pp. 98-113.
10. Domínguez E. The Soviet Union and Central America views and policies: 1979-1987. *Central America: crisis and possibilities*. Stockholm, 1988, N 16, pp. 48-65.
11. Evanson R. Soviet Economic and Military Trade in Latin America. *World Affairs*. Sage Publication Inc., New Delhi, vol.149, N 2, 1986, pp. 75-85. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20672092> (accessed 03.01.2022).

12. Aguila J.M. Soviet Activities and U.S. Interests in Latin America. *World Affairs*. Sage Publication Inc., New Delhi, vol.149, N 2, 1986, pp. 93-100. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20672092> (accessed 03.01.2022).
13. Leyton Salas C.M. La política de transferencias de armas de Rusia hacia el Tercer Mundo y América Latina. *Revista Política y Estrategia*. Santiago de Chile. N107, 2007, pp. 58-84. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5747156> (accessed 15.02.2022).
14. Laird R.F. Soviet Arms Trade with the Noncommunist Third World. *Proceedings of the Academy of Political Science*. New York, vol.35, N 3, pp. 196-213. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1174128> (accessed 09.01.2022).
15. Laird R.F. The Latin American Arms Market: Soviet Perceptions and Arms Transfers, 1972-82. *Soviet Unión/Union Sovietique*. London, vol.12, N 3, 1985, 297 p.
16. Oswald J.Gregory y Strover Anthony J. (comps.). *La Unión Soviética y la América Latina*. Praeger Publisher, New York, 1972, 248 p.
17. Berrios R. Soviet-Latin American Economic Relation. Wilson Center, Washington D.C, 1988, 37 p. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/op227_soviet_latin_relations_berrios_1988.pdf (accessed 10.02.2022).
18. Berrios R. Relaciones económicas entre la Unión Soviética y América Latina. *Comercio Exterior*, Mexico, vol.40, N 5, Mayo 1990, pp. 425-436. Available at: <http://revistas.bancomext.gob.mx/rce/magazines/162/7/RCE7.pdf> (accessed 07.02.2022).
19. Romero A. América Latina: militares, integración y democracia. Universidad Simón Bolívar. Caracas, 2001, 190 p.
20. Tsokas K. The political economy of Cuban dependence on the Soviet Union. *Theory&Society*. University of California, N 9, 1980, pp. 319-362.
21. Berrios R., Cole B. Peru and the Soviet Union (1969-1989): Distant Partners. *Journal of Latin American Studies*. Cambridge, vol.23, Issue 02, May 1991, pp.365-384. DOI: 10.1017/S0022216X00014036
22. Berrios R. Relations between Nicaragua and the Socialist Countries. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. Cambridge, vol.27, N3, 1985, pp.111-139.
23. Suchliki J. Soviet Policy in Latin-America: Implications for the United States, *Journal of Interamerican Studies of World Affairs*. Cambridge, N29, vol. 2, 1987, pp.25-46.
24. World Military Expenditures and Arms Transfers. 1965-1974. U.S. Arms Control and Disarmament Agency. U.S. Government Printing Office. Washington D.C., 76 p.
25. Богомолов П. Забытая бригада. *Правда*. М., № 226 (26674). 27.09.1991. [Bogomolov P. Zabytaya brigada [Forgotten Brigade]. *Pravda*, Moscow. N 226 (26674), 27.09.1991 (In Russ.).
26. Биндер Д. Кубино-советские связи всегда раздражали США. ИНО ТАСС. КОМПАС (БПИ). М., 18.09.1991, № 182. [Binder D. Kubino-sovetskie svyazi vseгда razdrzhali SSHA]. Cuban-Soviet ties have always irritated the USA]. INO TASS. KOMPAS (BPI), Moscow, 18.09.1991, N 182. (In Russ.).
27. Escalante E. Acuerdo Nuclear Entre La Habana y Moscú. *El Universal*. México, 23.02.1969.
28. Why Soviet Warships Visited Cuba. *U.S. News&World Report*. Washington D.C, July 21, 1969.
29. ЮПИ о визите советских военных кораблей на Кубу. ТАСС, М., 13.07.1969, Лист 6-АД. [YUPI o vizite sovetskih voennyh korablej na Kubu. [UPI on the visit of Soviet warships to Cuba]. TASS, Moscow, 13.07.1969, 6-AD. (In Russ.).
30. World Military Expenditures and Arms Transfers. 1969-1978. ACDA, Washington D.C., 1980, 166 p.
31. World Military Expenditures and Arms Transfers. 1972-1982. ACDA, Washington D.C., 1984, 121 p.
32. World Military Expenditures and Arms Transfers. 1991-1992. ACDA, Washington D.C., 1994, 156 p.
33. Manaut Benitez R. Democracia y fuerzas armadas en Cuba y Nicaragua. *Reflexiones en relación al debate latinoamericano. Estudios Latinoamericanos*. Mexico, vol.2, N3, 1987. Available at: <http://revistas.unam.mx/index.php/rel/article/view/46928> (accessed 14.02.2022).
34. Lewis A. Neil. U.S.-Soviet Knot on Nicaragua. *International Herald Tribune*. Paris, 16.12.1987.

35. Kapstein B.E. The Brazilian Defense Industry and the International System. *Political Science Quarterly*. New York, 1990-1991, vol.105, N4, pp.580-596.
36. The Military Balance. The International Institute for Strategic Studies. Stockholm, 1991-1992, 250 p.
37. Доклад Пентагона о советской помощи Никарагуа 23.10.1988. ТАСС, М., Лист 13-АД. [Doklad Pentagona o sovetskoj pomoshchi Nikaragua] Pentagon report on Soviet aid to Nicaragua] TASS, Moscow. 23.10.1988, 13-AD. (In Russ.).
38. Un líder sandinista admite que Nicaragua ha recibido más de 2.000 millones de dólares de la URSS. *El País*, Madrid, 08.11.1987.
39. Yopo B. Las relaciones soviético-latinoamericanas: evolución histórica y perspectivas. *Cono Sur*. Santiago, 1988, vol. VII, N2, pp.45-46.
40. Gorbachov sugirió a Reagan un pacto sobre Nicaragua. *El País*, Madrid, 13.12.1987.
41. Очередная фальшивка. Пресс-центр Министерства обороны СССР. *Правда*. М., №121 (26569), 25.04.1991. [Ocherednaya fal'shivka. Press-centr Ministerstva oborony SSSR [Another fake. Press Center of the USSR Ministry of Defense]. *Pravda*. Moscow, N121 (26569), 25.04.1991. (In Russ.).
42. Gallego-Díaz S. Gorbachev anuncia que sacará de Cuba a todos los soldados soviéticos. *El País*, Madrid, 12.09.1991.
43. Знает ли Горбачев, сколько наших солдат на Кубе? *Правда*. № 214 (26662), 13.09.1991 [Znaet li Gorbachev, skol'ko nashih soldat na Kube? [Does Gorbachev know how many of our soldiers are in Cuba?]. *Pravda*. Moscow, N 214 (26662), 13.09.1991. (In Russ.).
44. Bush desea que URSS acelere retirada tropas de Cuba. *EFE*, 11.11.1991.
45. Кодзоев М.А.-М. Проблема нормализации американо-кубинских отношений в конгрессе США. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2019, т. 49, № 8, сс. 92-106 [Kodzoev M.A.-M. Problema normalizacii amerikano-kubinskih otnoshenij v kongresse SSHA [The problem of the normalization of relations between the United States and Cuba in the US Congress]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, Moscow, 2019, t. 49, N 8, pp.92-106 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032120680005969-9
46. González Vega G. Desacuerdo soviético-cubano sobre la retirada de tropas. *Hoy*. La Paz, 24.09.1991.
47. World Military Expenditures and Arms Transfers. 1993-1994. ACDA. Washington D.C., 1995, 173 p.
48. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы. *Латинская Америка*, М. 2018, № 10, сс. 49-60 [Rozenal' D. M. Venesuel'skij uzel v latinoamerikanskoj politike Moskvu. [The venezuelan node in the Latin American policy of Moscow]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 10, pp.49-60 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3
49. Чemezov С.В., Гореславский С.С. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study. *Мировая экономика и международные отношения*. М. 2019, т. 63, № 2, сс. 29-35 [Chemezov S.V., Goreslavskij S.S. Diversifikaciya rossijskogo eksporta vooruzhenij: vene-suel'skij case study. [Diversification of russian arms exports: venezuelan case study]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, vol.63, N 2, pp.29-35 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35

Andrey N. Piatakov (anpyatakov@yandex.ru)

Cand. Sci (Politicalology), Leading Researcher at the Analytic Department of Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21/16, 115035, Moscow, Russian Federation

Military-technical ties between the USSR and Latin America as a phenomenon of the actual past

Abstract. The article analyzes the evolution of the Soviet-Latin American military-technical cooperation in the period from 1955 until 1991. The Latin American aspect is considered in the context of the general dynamics of cooperation with the "third world" regions. The compilation of the US Agency for Arms Control and Disarmament statistical data on the supply of weapons from the USSR to Latin America was carried out. The periodization of the development of Soviet-Latin American military-technical cooperation has been developed according to the criterion of the USSR and the USA volume of military-technical cooperation with the region. The vector of development of the USSR military relations with the Latin American allies is traced from the total lag in the 50s and 60s to the qualitative and quantitative superiority by the end of the 80s of the twentieth century. It is proved that by the time of the collapse of the USSR, it had significant superiority over the United States in military supplies to the region in terms of the gross volume and variety of types of weapons. The superiority of the United States consisted in diversifying the arms market, while the USSR concentrated on the "left triumvirate" - Cuba, Peru and Nicaragua. Here is expressed the hypothesis that the objective goal of the USSR military assistance was the formation of an international pole of left and communist orientation, as a counterbalance to right-wing dictatorships.

Key words: military-technical cooperation, armed forces, USSR, Latin America, "third world", Cuba, Peru, Nicaragua, USA.

DOI: 10.31857/S0044748X0020679-5

Received 25.02.2022.